

КАРЛЪ ЛЕОПОЛЬДЪ ДЪДЪ ИМПЕРАТОРА ЮАННА АНТОНОВИЧА.

Разсказъ барона Эйхгольца.

1678 — 1747.

(Изъ бумагъ П. П. фонъ-Генца).

Въ библиотекѣ города Ростока находится записка, составленная и написанная въ 1721 году барономъ Эйхгольцомъ, первымъ совѣтникомъ и обермаршаломъ герцога мекленбургскаго Карла Леопольда, родителя правительницы Анны Леопольдовны.

Карлъ Леопольдъ (род. въ 1678 г.), извѣстный по сварливому, вздорному и безпокойному характеру своему, жилъ въ непрерывныхъ спорахъ и процессахъ съ подвластнымъ ему дворянствомъ. Онъ развелся съ первою женою, рожденною принцессою Нассаускою, подъ предлогомъ бесплодности ея, и женился, въ 1716 г., на царевнѣ Еватеринѣ Иоанновнѣ, родной племянницѣ Петра I.

Въ слѣдующей выпискѣ изъ рукописи упоминается главнѣйше объ обстоятельствахъ, касающихся до великаго царя, его семейства и окружающихъ его лицъ.

Разсказъ Эйхгольца представляетъ весьма живую картину образа жизни при тогдашнихъ нѣмецкихъ дворахъ и рисуетъ отношенія къ нимъ Петра Великаго. При томъ, малѣйшее обстоятельство, касающееся безсмертнаго преобразователя Россіи, всякое, и самое, повидимому, маловажное, слово имъ сказанное — для насъ драгоценно.

I.

Въ 1713 году Карлъ Леопольдъ, по кончинѣ старшаго брата своего, наследуетъ княженіе Мекленбургскаго герцогства. Въ началѣ кажется, что онъ готовъ примириться съ дворянствомъ

* „РУССКАЯ СТАРИНА“, Т. XII, 1875 Г. ЯНВАРЬ.

и чинами, но потомъ рождаются новыя распри. Вдругъ герцогъ пишетъ къ нѣмецкому императору, будто онъ намѣренъ принять католическую вѣру и просить прислать къ нему довѣренное духовное лицо. Между тѣмъ Эйхгольцъ отправляется въ Вѣну для переговоровъ о бракосочетаніи герцога съ эрцгерцогинею Магдалиною, и вѣнскій дворъ обнадеживаетъ его, что если сей бракъ состоится, то герцогъ будетъ назначенъ губернаторомъ Силезіи или Тироля. Но, по возвращеніи изъ сей миссіи, Эйхгольцъ узнаеть сколь герцогъ пережѣничивъ и притворенъ. Отъ слугъ своихъ онъ всегда требовалъ слѣпого повиновенія и при томъ былъ чрезвычайно скупъ. Любимою поговоркою его было: «Старые долги не надо платить, а новымъ надо дать время состариться».

Въ то время король датскій, состоя въ союзѣ съ Пруссіею и Россіею противъ Швеціи, съ войсками своими предпринялъ походъ подъ Штральзундъ. Король звалъ герцога къ себѣ въ лагерь. Герцогъ, долго мѣшкая, рѣшился наконецъ послѣдовать приглашенію, но король противъ воли задержалъ его со свитою. При семъ случаѣ Эйхгольцъ и свита герцога, будучи угощаемы Датчанами, напились пьяны (*brav vollgesoffen*); одинъ изъ мекленбургскихъ придворныхъ, Циловъ, пьяный передрался со всѣми пирующими; они же порядочно его поколотили и посадили подъ арестъ.

Наконецъ, король датскій отпустилъ герцога и чрезъ нѣсколько дней самъ съ войсками своими прибылъ къ Ростоку. Герцогъ не выѣхалъ на встрѣчу короля, бывъ занятъ молитвою (*Betstunde*). Послѣ многократныхъ тщетныхъ напоминаній о необходимости встрѣтить короля, Эйхгольцъ вышелъ изъ терпѣнія и вскричалъ: «*Potts hundert Sacrament!*» (Теперь не до Господи помилуй. Король у воротъ): «*Hier ist nicht mehr Zeit zu Kyreeleyson! Der König ist vor dem Thor*». Герцогъ, не сказавъ ни слова, поспѣшно вскочилъ съ мѣста, равно какъ и всѣ окружавшіе его офицеры, но вмѣсто встрѣчи короля онъ скрылся въ своемъ охотничьемъ замкѣ Кракѣ и возвратился оттуда не прежде, какъ по отъѣздѣ короля.

Между тѣмъ пріѣхалъ присланный отъ нѣмецкаго императора, по прежнему требованію герцога, католическій прелатъ Готвейхъ, подъ именемъ графа фонъ-Вольфштейна; герцогъ бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ каждый вечеръ отъ 6 до 8 часовъ

въ своемъ кабинетѣ; однако-жъ прелать изъявлялъ мало надежды на обращеніе герцога въ католическую вѣру, говоря, что герцогъ смѣшиваетъ слишкомъ много свѣтскихъ дѣлъ съ духовными. Черезъ нѣсколько недѣль католическій прелать уѣхалъ безъ успѣха, ибо герцогъ требовалъ, кромѣ руки эрцгерцогини, еще Неаполитанское королевство или Нидерландскія владѣнія съ самодержавнымъ правомъ.

Герцогъ, желая овладѣть городомъ Висмаромъ, занятымъ въ то время союзными войсками, и не имѣя надежды найти подпору въ императорѣ, обратилъ вниманіе на царя Россійскаго, нынѣ столь сильнаго и уважаемаго, и надѣялся что царь поддержитъ его, если онъ женится на одной изъ его племянницъ. «Тогда я буду въ состояніи, говорилъ онъ Эйхгольцу, всѣмъ предписывать законы». На сіе Эйхгольцъ возразилъ, что прижитіе дѣтей есть главная цѣль брака, и что царскія племянницы для сего слишкомъ стары. Герцогъ отвѣчалъ, что онъ намѣренъ жениться на Аннѣ Іоанновнѣ, герцогинѣ Курляндской, за которую получить славное герцогство. Эта мысль весьма понравилась Эйхгольцу. Герцогъ показалъ ему всю переписку съ своимъ повѣреннымъ въ С.-Петербургѣ, Габихтсталею. ¹⁾ Изъ писемъ Габихтстала видно было, что онъ привлекъ на свою сторону старика Левенвольде и что сей послѣдній велѣлъ сказать герцогу: «что хотя онъ Лифляндецъ и нынѣ российский вассалъ, но не забылъ нѣмецкаго происхожденія своего и не желалъ бы, что-бы нѣмецкій князь былъ обманутъ. *Qu'il falloit donc aller la bride en main et ne s'embarquer point sans biscuit.*» ²⁾

Слова Левенвольда побудили Эйхгольца совѣтовать герцогу не слишкомъ торопиться въ семь дѣлъ. Но герцогъ хотѣлъ тотчасъ ѣхать въ С.-Петербургъ и выписалъ изъ Гамбурга брилліантовый наперсный крестъ, серьги и кольцо за 28,000 талеровъ въ подарокъ для будущей невѣсты. Однако-жъ герцогъ передумалъ, говоря, что царскій любимецъ, Ягужинскій, подъ Штральзундомъ, и что онъ намѣренъ чрезъ него узнать, угодно-ли будетъ царю, что-бы онъ ѣхалъ въ С.-Петербургъ.

¹⁾ Габихтсталь вступилъ впоследствии въ нашу службу и былъ при Аннѣ Іоанновнѣ оберъ-церемоніймейстеромъ. П. Г.

²⁾ Не должно-де ѣхать спустя поводья и пускаться въ море не запасшись сахаромъ. П. Г.

Свѣдавъ чрезъ посланнаго въ Ягужинскому нарочнаго, что сей послѣдній на обратномъ пути къ царю остановится въ Гиршбургѣ, если герцогу угодно будетъ къ нему прїѣхать. Герцогъ тотчасъ послалъ за почтовыми лошадьми и приказалъ Эйхгольцу уложить въ шкатулку чернаго дерева, которую всегда возилъ съ собою, всю переписку Габихтсталя и сверху положить 1,000 червонцевъ, а въ секретный ящикъ — выписанныя изъ Гамбурга алмазныя вещи. При семъ случаѣ Эйхгольцъ, оторывъ изъ любопытства футляръ, въ которомъ хранились брилліанты, воскликнулъ:

— «Та, для которой все это назначено, должна имѣть чудесную (душу)!»

Герцогъ засмѣялся. Во время отлучки герцога, Эйхгольцу поручено было исходатайствовать у датскаго короля уступку Висмара. Онъ снова увидѣлся съ герцогомъ въ Шверинѣ и спросилъ его объ успѣхѣ его свиданія съ Ягужинскимъ. Герцогъ отвѣчалъ, что онъ доволенъ. Когда Эйхгольцъ, вынимая изъ шкатулки письма, увидѣлъ, что положенныхъ въ нее 1,000 червонцевъ уже не было, онъ сказалъ герцогу: «я, конечно, могъ предполагать, что ваша свѣтлость не привезете обратно этихъ денегъ». Когда же онъ хотѣлъ заглянуть въ секретный ящикъ, что-бы увидѣть тамъ-ли брилліанты, то герцогъ не допустилъ его до того говоря: «Что ты тутъ хочешь видѣть, уже довольно видѣлъ», — и болѣе ничего не сказалъ. Эйхгольцъ, любопытствуя узнать, что происходило при свиданіи съ Ягужинскимъ, спросилъ о томъ Вальтера, бывшаго съ герцогомъ, но Вальтеръ извинялся тѣмъ, что герцогъ потребовалъ отъ него особой клятвы никому ничего не пересказывать.

Спустя мѣсяцъ, Эйхгольцъ получилъ письмо отъ російскаго резидента въ Гамбургѣ, Беттигера, который просилъ его вручить герцогу приложенное поздравительное письмо о помолвкѣ его свѣтлости съ царскою племянницею. Эйхгольцъ поднесъ оба письма герцогу съ сими словами:

— «Вотъ прекрасно! Ваша свѣтлость — женихъ и ничего о томъ не знаетъ. Радуюсь, что я первый васъ поздравляю. Осмѣливаюсь спросить, герцогиня-ли вурляндская — свѣтлѣйшая ваша невѣста?»

Изъ письма Беттигера не видно было, которая изъ царскихъ племянницъ невѣста герцога.

По вопросу Эйхгольца, за которую изъ принцессъ его свѣтлость сватался, герцогъ признался въ своей опрометчивости и какъ Ягужинскій его провель. Герцогъ вручилъ тогда Ягужинскому обручальное кольцо и бланкетъ, что онъ согласенъ жениться на той изъ царевенъ, которую царь самъ назначить.

Въ тогдашней неизвѣстности ожидали съ нетерпѣніемъ дальнѣйшихъ извѣстій изъ Петербурга. Черезъ двѣ недѣли получили письмо отъ Габихтстала, который увѣдомилъ, что онъ хотѣлъ по прежнему вести дѣло о бракосочетаніи, но что прїѣздомъ Ягужинскаго оно приняло другой оборотъ и когда Габихтсталь (января 1716 г.) все-таки настаивалъ на герцогинѣ курляндской, то царь велѣлъ позвать его къ себѣ и объявилъ ему, что, имѣя бланкетъ отъ герцога, онъ можетъ ему назначить въ невѣсты любую изъ своихъ племянницъ, а если Габихтсталь еще будетъ настаивать на герцогинѣ курляндской, то шлетъ его въ Сибирь.

Поэтому Габихтсталу оставалось только молчать.

Въ тотъ же вечеръ царь объявилъ Екатерину Іоанновну невѣстою герцога Мекленбургскаго и Ягужинскій вручилъ ей кольцо отъ имени жениха. Далѣе Габихтсталь писалъ, что царь скоро прїѣдетъ въ Данцигъ и привезетъ съ собою царевну.

Эйхголецъ изъяснилъ сожалѣніе, что герцогу не досталась герцогиня курляндская, а ея сестра, которая еще и старше (Екатеринѣ Іоанновнѣ было тогда отъ рожденія 24 года). Герцогъ утѣшилъ его:

— «Непреклонная судьба (die Fatalität) назначила мнѣ эту Катерину, но нечего дѣлать, надо быть довольнымъ; она по крайней мѣрѣ любимица царицы».

Но герцогъ самъ не успокоился своими словами и, рассказывая въ безпокойствѣ по комнатѣ, наконецъ спросилъ:

— «Что думаешь, Эйхголецъ, хорошо-ли это кончится?»

«Ваша свѣтлость!» отвѣчалъ Эйхголецъ, «вы должны знать это лучше меня; не я далъ вамъ такой совѣтъ и не могу быть въ отвѣтъ за послѣдствія».

При томъ упрекалъ герцога, что онъ требуетъ совѣта, а дѣйствуетъ по своему. Герцогъ сѣлъ и написалъ къ своему банкиру въ Гамбургъ, что-бы прислалъ ему на 70,000 талеровъ драго-

цѣнностей разнаго рода (для подарковъ при російскомъ дворѣ). Потомъ разсуждали въ тайномъ совѣтѣ, самому-ли герцогу ѣхать въ Петербургъ, не ожидая приглашенія царя, или же отправить туда посольство? Эйхгольцъ былъ послѣдняго мнѣнія, какъ болѣе соотвѣтственнаго княжескому достоинству. Герцогъ согласился назначить самого Эйхгольца посланникомъ и кредитивныя письма были заготовлены. Но вдругъ, пере мѣнивъ мысли, онъ самъ вознамѣрился ѣхать.

Отправились въ 4-хъ дорожныхъ коляскахъ и герцогъ, по скупости своей, хотѣлъ, что-бы Эйхгольцъ ѣхалъ безъ камердинера, и позволилъ ему взять съ собою камердинера не прежде какъ когда Эйхгольцъ рѣшительно объявилъ, что въ такомъ случаѣ и онъ не поѣдетъ. Въ Перлебергѣ узнали о разсказѣ проѣхавшаго російскаго поручика, что царь въ Данцигѣ и, по приглашенію королей датскаго и прусскаго, скоро пріѣдетъ въ Германію. Герцогъ безпокоился, что не застанетъ уже царя въ Данцигѣ. Эйхгольцъ уговорилъ герцога возвратиться въ Мекленбургъ, а его отправить посланникомъ къ царю въ Данцигъ. Къ счастью прежде заготовленныя кредитивныя письма уцѣлѣли и герцогъ ихъ подписалъ.

II.

Въ Данцигѣ Эйхгольцъ милостиво принятъ былъ царемъ и царскою фамиліею; приглашали его всюду, гдѣ угощали царя. Онъ очень опасался, что-бы герцогъ, снова пере мѣнивъ мысли, не пріѣхалъ на свадьбу и что-бы его, посланника, не отправили за то въ Сибирь.

Царь ежедневно спрашивалъ: «Wann kumt Herzog?»

Наконецъ на седьмой день герцогъ пріѣхалъ и Эйхгольцъ повелъ его тотчасъ къ епископу Ермеландскому, у коего царь находился въ гостяхъ со всѣмъ своимъ семействомъ.

При входѣ герцога, царь спросилъ: «Wo ist ober-marchall?» (т. е. Эйхгольцъ); но самъ герцогъ показавшись и Ягужинскій представилъ его государю (8-го марта 1716 г.).

Царь обнялъ и поцѣловалъ герцога и подвелъ его къ царицѣ и къ невѣстѣ, царевнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ.¹⁾

¹⁾ Подробная характеристика царевны Екатерины Ивановны помѣщена въ нами составленной монографіи: «Царица Прасковья» 1664—1723. Спб., 1861 г., глава V-я, стр. 44—67.

Передъ царемъ (такъ рассказываетъ Эйхгольцъ) его свѣтлость велъ себя съ большею скромностью и смиреніемъ, нежели передъ самимъ цесарскимъ величествомъ и почти съ рабскимъ униженіемъ, а передъ царицею и невѣстою онъ былъ хотя вѣжливо, но холоденъ, такъ что Эйхгольцъ нашелъ нужнымъ извинить его, сказавъ оберъ-гофмейстеринѣ російскаго двора:

— «Кажется свѣтлѣйшій женихъ еще не довольно познакомился и отъ дороги не въ веселомъ расположеніи духа, но это пройдетъ».

Въ первый вечеръ герцогъ довольно понравился царю, потому что Петръ не успѣлъ узнать его короче, ибо герцогъ былъ отвлекаемъ иностранными и російскими министрами, подходившими къ нему съ похвалительными привѣтствіями. Когда сѣли за ужинъ, Эйхгольцъ замѣтилъ, что герцогъ, сидѣвшій подлѣ царя, снова принялъ свойственный ему холодный и угрюмый видъ; онъ, вставъ и подошедъ къ герцогу, сказалъ ему на ухо, что-бы онъ предложилъ царю большой кубокъ за здравіе родителя и сына. Герцогъ исполнилъ совѣтъ и царь, принявъ тостъ, поцѣловалъ герцога. Потомъ Эйхгольцъ, подойдя къ царю, сказалъ:

— «Ваше царское величество приняли нынѣ моего милостивѣйшаго герцога за сына и дали ему супругу. Осмѣливаюсь и я просить, что-бы и меня ссудили женою».

Царь, смотря на него, съ удивленіемъ спросилъ по-голландски: «А что, развѣ ты еще не женатъ?» Потомъ, снявъ съ него парикъ и посмотрѣвъ на него, продолжалъ: «Сверху ты молодецъ и имѣешь хорошій умъ, но снизу обстоить плохо».

Эйхгольцъ, покраснѣвъ, замолчалъ, и когда послѣ ужина начались танцы и царь ему приказалъ танцовать, онъ отвѣчалъ:

— «Ваше величество меня такъ пристыдили предъ всею компаніею, что я уже не смѣю поднять глазъ ни на одну изъ дамъ».

Царь, смѣясь, сказалъ: «Я уже найду тебѣ пару».

На второй и третій день герцогъ велъ себя изрядно, но на четвертый за ужиномъ возникъ споръ, лучше-ли для кавалеріи волоть по-шведски или рубить по-русски? Царь былъ послѣдняго мнѣнія, а герцогъ придерживался перваго такъ усердно и упорно, что споръ сдѣлался шумнымъ, а Эйхгольца бросало въ потъ, какъ Іуду (Iudas-Schweiss geschwitzet).

Возвращаясь домой, Эйхгольцъ сказалъ герцогу: «Ради Бога,

ваша свѣтлость, берегитесь! Вы имѣете дѣло съ такимъ государемъ, съ которымъ надобно обходиться осторожно. Какое вамъ дѣло, что лучше: колоть или рубить? Конечно, вы пріѣхали сюда, что-бы колоть».

Герцогъ отвѣчалъ, что заблаговременно должно приучить царя, такъ какъ ему нужно.

Начались переговоры касательно брачныхъ трактатовъ. «Когда графъ Горнъ,—говоритъ Эйхгольцъ,—сочинялъ брачный трактатъ между покойнымъ герцогомъ и его супругою, то не имѣлъ другаго труда, кромѣ составленія выписки изъ прежнихъ договоровъ герцогскаго дома, и за то дали ему 1,000 червонцевъ и сверхъ того серебряный сервизъ въ 5,000 гульденовъ. Нынѣ же русскіе министры и слышать не хотятъ о прежнихъ договорахъ герцогскаго дома, говоря, что дѣло идетъ объ императорской принцессѣ, которую слѣдуетъ иначе обезпечить, нежели прежнихъ герцогинь Мекленбургскихъ. Прежнимъ герцогинямъ, бывшимъ не одной вѣры съ супругами, позволялось имѣть только одного духовника; Русскіе же требовали содержанія архимандрита и 12 человекъ пѣвчихъ. Прежнимъ оберъ-гофмейстерамъ назначали 500 талеровъ жалованья; теперь требовали 3,000 и въ той же соразмѣрности жалованья придворнымъ дамамъ».

Бѣдный Эйхгольцъ по цѣлымъ днямъ спорилъ съ Головкинымъ, Шафировымъ и Толстымъ, такъ что едва не подвергся кровохарканію (*dass er hätte mögen Blut spreien*); а когда по вечерамъ герцогъ приходилъ къ царицѣ, то его свѣтлость не упорствовалъ и соглашался на всѣ требованія русскіхъ министровъ. Придворныя русскія дамы стали такъ ненавидѣть Эйхгольца, что при появленіи его громко восклицали: «*Ni ober-schall! Bös Mann! Bös Mann!*»

Но царь Петръ Алексѣевичъ, слыша сіе, всегда защищалъ его, говоря: «Онъ правъ; онъ дѣлаетъ, что государь его велитъ и соблюдаетъ его пользу».

Предложили заплатить герцогу 200,000 руб. сер. (по тогдашнему 400,000 талеровъ), доставшихся Екатеринѣ Іоанновнѣ по наслѣдству отъ родителя ея; но герцогъ, подъ видомъ великодушія, отклонилъ сіе предложеніе и просилъ гарантировать ему лучше городъ Висмаръ. «Такъ», говоритъ Эйхгольцъ, «у насъ изъ-подъ носу ускользнули 400,000 талеровъ. Зачѣмъ было не

вить этихъ денегъ въ зачетъ за несправедливыя притѣсненія, претерпѣваемыя Мекленбургскимъ краемъ отъ російскаго войска!»

Носился слухъ, что генераль Адамъ Вейде и кн. Долгоруковъ соединятся съ корпусомъ кн. Репнина въ Мекленбургѣ.

— «Берегитесь, ваша свѣтлость (говорилъ Эйхгольцъ герцогу), что-бы эти Русскіе не пожрали цѣлаго Мекленбурга».

Герцогъ отвѣчалъ: «Пустое, они намъ ничего не сдѣлаютъ. Нѣтъ народа который довольствовался бы столь малымъ. Русскіе ѣдятъ траву и пьютъ воду».

Это показалось Эйхгольцу не безвѣроятнымъ, потому что онъ помнилъ, какую превосходную дисциплину російскія войска соблюдали въ 1712 г., при чемъ поддержаніе этой дисциплины ничего не стоило, кромѣ лучшаго воня изъ герцогской конюшни, со сбруею, купленною въ Парижѣ за 1,800 талеровъ, и вошелъ съ 1,000 червонцами, доставшихся въ подарокъ главнокомандующему кн. Меншикову. Такъ и Петръ Анд. Толстой говорилъ, что войска не требуютъ ничего какъ: «un poco di rape! un poco di rape!»

Между тѣмъ, по случаю пріѣзда въ Данцигъ короля польскаго, у русскихъ вельможъ ежедневно были балы и разныя угощенія.

По подписаніи брачныхъ трактатовъ, герцогъ, вовсе не думая о совершеніи брака, избѣгалъ присутствія царя, извиняясь разными пустыми предлогами; съ невѣстою обходился онъ весьма равнодушно и поступалъ чрезвычайно надменно съ російскими вельможами, которымъ оказывалъ даже презрѣніе, такъ что всѣ перестали его любить. Царь скоро узналъ герцога, и шведскій его нарядъ, и шведскій мундиръ его людей ему надѣли; но, давъ же слово, настаивалъ на совершеніи бракосочетанія.

III.

Наканунѣ свадьбы (7-го апрѣля 1716 г.) герцогъ Карлъ Леопольдъ причастился св. таинъ.

8-го апрѣля 1716 г., въ день свадьбы, поутру, Эйхгольцъ, подойдя къ кровати герцога, спросилъ его: «каково теперь сердечку вашему и чувствуете-ли, ваша свѣтлость, себя спокойнымъ?»

Герцогъ отвѣчалъ: «да!» и вставъ, одѣлся по своему великолѣпію, не забывъ большой шведской шпаги на широкой богато вы-

шитой перевязи. Онъ не могъ отвыкнуть отъ этой шведской моды, хотя Эйхгольцъ нерѣдко ему говаривалъ:

— «Ваша свѣтлость! съ кѣмъ хотите драться, что всегда изво-лите носить столь огромную шпагу? Не лучше-ли было бы если-бъ вы одѣвались равно съ другими принцами — скромно и безъ особеннаго отличія?»

Эйхгольцъ замѣчаетъ какъ странность, что герцогъ въ день свадьбы не надѣлъ манжетовъ.

Герцогъ въ день свадьбы обѣдалъ дома. Послѣ обѣда, въ 2 часа, пріѣхалъ генералъ Вейде, вести герцога въ своей каретѣ къ царю, ибо герцогъ не имѣлъ съ собою собственнаго экипажа. Предъ нимъ ѣхала въ наемныхъ каретахъ свита его: Вальтеръ, Габихтсталь, Берггольцъ и Эйхгольцъ. Площадь предъ домомъ, въ коемъ жила царь, и даже крыши сосѣдственныхъ домовъ наполнены были народомъ. Когда герцогъ выходилъ изъ кареты, то зацѣпилъ парикомъ за гвозди и долженъ былъ стоять нѣсколько минутъ съ голою головою посреди народа, покуда вѣрный Эйхгольцъ не успѣлъ снять парикъ съ гвоздя и снова надѣть ему на голову.

У царя находился король польскій; ихъ величества приняли герцога весьма благосклонно. Въ присутствіи прочихъ андреевскихъ кавалеровъ царь наложилъ на герцога орденъ и всѣ кавалеры, по очереди, обнимали новаго своего товарища. Потомъ вошли къ невѣстѣ, убранной велико-княжескою короною (*fast Kaiserliche Krone*), и отправились пѣшкомъ чрезъ улицу въ каплицу, на-скоро построенную. Греко-россійскій епископъ совершилъ обрядъ вѣнчанія, не смотря на представленныя Эйхгольцомъ опасенія, состоявшія въ томъ, что процессъ о разводѣ герцога съ супругою перваго брака еще продолжался въ Вѣнѣ и поелику греческая вѣра не принадлежала къ числу принятыхъ въ римской имперіи вѣроисповѣданій, то законность новаго брака въ послѣдствіе времени могла быть оспариваема. ¹⁾ Посему Эйхгольцъ совѣтовалъ герцогу обрядъ вѣнчанія поручить священнику, какаго-либо въ римской имперіи призваннаго вѣроисповѣданія; но герцогъ не внялъ этому совѣту. Во время

¹⁾ Первая жена Карла-Леопольда была Софія-Гедвига, рожденная принцесса Нассау-Фрисландская.

церемоніи, продолжавшейся два часа. царь Петръ, по своему обыкновению, часто переходилъ съ одного мѣста на другое и самъ указывалъ пѣвчимъ въ псалтырѣ, что надлежало пѣть.

Изъ церкви пошли процессією къ вечернему столу и многіе въ народѣ громко восклицали: «Смотрите, у герцога нѣтъ манжетовъ!»

Столъ накрытъ былъ въ узкой комнатѣ. Брачное ложе находилось въ комнатѣ, украшенной въ японскомъ вкусѣ, и наполненной японскими лакированными вещами, какихъ, по словамъ Эйхгольца, у Русскихъ много. Самая кровать была также лакирована и Эйхголецъ опасался, что герцогъ въ нее не ляжетъ, такъ какъ запахъ отъ лакировки былъ ему противенъ.

На площади, передъ домомъ герцога, былъ фейерверкъ. Царь Петръ Алексѣевичъ, сопровождаемый королемъ польскимъ Августомъ II и герцогомъ Мекленбургскимъ, ходилъ и суетился по площади и самъ забавлялся зажиганіемъ ракетъ. Эйхголецъ ходилъ за своимъ герцогомъ, боясь падающихъ ракетныхъ шестовъ. Онъ сказалъ ему, что свѣтлѣйшая невѣста въ 10 часовъ удалась въ спальню и что уже пробилъ часъ пополудни, а что потому и его свѣтлости пора ложиться спать. Наконецъ онъ убѣдилъ герцога войти въ спальню и самъ, утомленный и при томъ полупьяный, легъ спать и заснулъ крѣпкимъ сномъ, однакожь не надолго. Около 4-хъ часовъ кто-то разбудилъ его, сказавъ тихимъ голосомъ: «Эйхголецъ, Эйхголецъ, что ты спишь?» Проснувшись и очнувшись съ трудомъ, Эйхголецъ увидалъ предъ собою герцога и сильно испугался, думая что опять случилось такое происшествіе (?) какъ съ разведенною герцогинею. Но герцогъ велѣлъ ему не дѣлать шума и объявилъ, что хочетъ лечь къ нему. Эйхголецъ уступилъ ему свою кровать, а самъ легъ къ Берггольцу.

Не смотря на свой странный поступокъ, герцогъ на другое утро пошелъ къ герцогинѣ и поднесъ ей подарки. Потомъ велѣлъ Эйхгольцу заготовить увѣдомительныя письма о заключенномъ бракѣ въ цесарскому величеству и ко всѣмъ курфирстамъ.

На другой день царь угощалъ новобрачныхъ.

На третій день герцогъ обѣдалъ дома. Кромѣ оберъ-гофмейстерины, Екатерина Іоанновна имѣла при себѣ трехъ фрейлинь русскихъ: прекрасную Салтыкову, состоявшую въ близ-

комъ родствѣ съ своею повелительницею, Балкѣ¹⁾ и третью, коей имени Эйхгольцъ не помнить.²⁾

Герцогъ спросилъ его, какъ водилось при прежнихъ герцогахъ мекленбургскихъ: допускались-ли фрейлины къ герцогскому столу?

Эйхгольцъ отвѣчалъ утвердительно, на что герцогъ шутя сказалъ: «ты это говоришь потому, что ты влюбленъ въ Салтыкову». Эйхгольцъ смѣясь возразилъ: «а что за бѣда, хотя-бы и такъ?» Герцогъ продолжалъ: «Если женишься на ней, то будешь со мною въ родствѣ».³⁾ Эйхгольцъ благодарилъ за честь, отъ которой однако-жъ отказался, ибо смѣшно было-бы, если-бы мужъ и жена не могли говорить другъ съ другомъ. (Салтыкова не знала нѣмецкаго языка). Рѣшено было, что-бы фрейлины ѣдали за герцогскимъ столомъ. Но когда шли къ столу, герцогъ, подзвавъ Эйхгольца, приказалъ, что-бы придворныя дамы, кромѣ оберъ-гофмейстерины, сѣли за маршалскимъ столомъ, прибавляя: «Надлежитъ этимъ (дѣвушкамъ) заранѣе учить, какими имъ должно быть». Эйхгольцъ тщетно представлялъ герцогу сколь сіе имъ будетъ обидно и наконецъ объявилъ, что въ семь случаевъ онъ, какъ тайный совѣтникъ и оберъ-маршалъ, самъ сядетъ за маршалскимъ столомъ; а мѣсто его при герцогскомъ столѣ можетъ заступить Берггольцъ. Потомъ онъ подалъ руку Салтыковой и повелъ ее къ маршалскому столу, объясняя ей, чрезъ Наталью Федоровну Балкѣ, что имъ тутъ будетъ гораздо лучше и непринужденнѣе, нежели у герцогскаго стола. Салтыкова стала горько плакать и рыдать, не хотѣла даже отдать изъ рукъ вѣера

¹⁾ Красавица Наталья Балкѣ, родная племянница несчастнаго камергера Мовса, казненнаго въ 1724 г., вышла впоследствии за флотскаго офицера Лопухина, пожалована была въ статсъ-дамы и жила въ связи съ оберъ-штальмейстеромъ графомъ Левенвольде Въ «Русской Старинѣ» (изд. 1874 г., т. XI, стр. 44; 191—235) подробно разсказана трагическая судьба, постигшая эту злосчастную женщину. По преданіямъ ова тѣмъ особенно раздражила противъ себя императрицу Елисавету Петровну, что позволила себѣ какъ-то отозваться: «я хотѣ и покидая женщина, но все еще лучше собою, нежели Елисавета Петровна». Наталья Лопухина скончалась въ 1763 г. П. Г.

²⁾ Это была Воейкова. П. Г.

³⁾ Мать царевны Екаторины Іоанновны, герцогини Мекленбургской, царица Прасковья Федоровна была рожд. Салтыкова. См. въ прилож. родосл. таблицу. Ред.

своего и ничего не отвѣдала, хотя Эйхгольцъ палъ предъ нею на колѣна, цѣловаль у ней руки и просиль, что-бы она успокоилась. Нечего дѣлать! и другія дѣвицы ничего не вупали.

По окончаніи стола, Салтыкова убѣжала къ Еватеринѣ Иоанновнѣ: поднялись шумъ, рыданіе, вопли и слезы, такъ что страшно было слушать. Царь сильно почувствовалъ сей поступокъ герцога, а Салтыкову отозвали отъ двора герцога.

Герцогъ весьма щедро одариль російскихъ министровъ и придворныхъ, на что употребиль купленные имъ за 70,000 талеровъ драгоценности. Всѣмъ дарилъ перстни, даже служанкамъ при камермедхенахъ. Но съ російской стороны Мекленбургцамъ ничего не подарили, ниже кривой булавки (*nicht eine krumme Stecknadel*).

Въ числѣ заказанныхъ въ Гамбургѣ подарковъ было три перстни, каждый въ 4,000 талеровъ; поелику же невозможно было сдѣлать ихъ равной цѣнности, одинъ перстень стоилъ только 3,500 талеровъ, хотя видомъ не отличался отъ другихъ. По отъѣздѣ герцога изъ Данцига, Габихтсталь вручилъ перстни въ 4,000 талеровъ Головину и Шафирову, а Толстому, какъ младшему тайному совѣтнику, въ 3,500 талеровъ. Толстой, который вѣроятно велѣлъ оцѣнить свой перстень, поднялъ великій шумъ и сказалъ Остерману: «Что герцогъ себѣ воображаетъ, что поступаетъ со мною такъ подло и пр.!» Остерманъ, получивъ перстень въ 1,800 талеровъ, и желая успокоить Толстого, предложилъ ему взять вдобавокъ и его перстень. Толстой хотя на это согласился, но сей «грубиянъ», какъ его называетъ Эйхгольцъ, не переставалъ принимать предъ нимъ вида оскорбленнаго и невѣжливаго и даже не принесъ благодарности герцогу по приѣздѣ своемъ въ Шверинъ.

Въ Шверинѣ покои во дворцѣ обивались краснымъ бархатомъ и шпалерами и всѣ приготовления были сдѣланы къ приему царя. Завербованныя Фитингофомъ, по приказанію герцога, войска, стояли въ парадѣ при въѣздѣ царя (12-го мая 1716 г.), и когда царь съ герцогомъ проѣзжали верхомъ мимо войскъ, сей послѣдній кивнулъ головою Эйхгольцу и выразилъ глазами, сколь онъ доволенъ имѣть столь прекрасныхъ солдатъ. Царь принятъ былъ съ такими почестями, какъ самъ императоръ (т. е. цесарь

ское величество). Разумѣется, что ему отведены были лучшія комнаты во дворцѣ.

Когда Эйхгольцъ на слѣдующее утро явился къ царю для поклона, онъ не нашелъ никого въ передней. Проходя чрезъ нѣсколько комнатъ и не встрѣчая никого, онъ входитъ въ приготовленную для августѣйшаго гостя спальню и видитъ, что кровать осталась неприкосновенною. Наконецъ, слыша, что ходятъ по потаенной лѣстницѣ, пошелъ по ней и засталъ царя подъ крышею въ каморѣ, приготовленной для его камердинера, въ кровати коего онъ изволилъ почивать.

Обѣденный столъ царь велѣлъ накрыть въ самой маленькой комнатѣ дворца, ибо его величество вообще любилъ маленькія комнаты. Говорятъ, что таковъ его обычай. Въ Берлинѣ онъ спалъ на медвѣжьей шкурѣ за дверьми. Предполагали, что онъ это дѣлаетъ для избѣжанія опасности, дабы не знали гдѣ онъ спитъ. Въ Шверинѣ царь началъ лечиться пирмонтскими водами. Между тѣмъ герцогъ уѣхалъ на короткое время въ Ростокъ, что-бы сдѣлать приготовленія къ приѣзду царя. На возвратномъ пути герцогъ остановился на обѣдъ въ Пассенѣ. Квартирующіе тамъ русскіе солдаты жестоко бранили управителя этого имѣнія за то, что данный имъ хлѣбъ нехорошъ и требовали лучшаго; угрожая правителю, что въ противномъ случаѣ они поволочатъ его по-русски. Управитель спасся отъ нихъ въ комнату, гдѣ герцогъ обѣдалъ. Но раздраженные солдаты въ открытыя двери бросили туда данный имъ хлѣбъ. Эйхгольцъ, смѣясь, спросилъ герцога:

— «Неужели это тѣ самые люди, которые довольствуются водою и травою? Господи упаси меня отъ такого теста, коего люди такъ бы со мною поступали!»

Герцогъ молчалъ въ изумленіи. Эйхгольцъ представилъ герцогу, что если Русскіе такъ поступаютъ въ его имѣніяхъ, каково должно быть ихъ поведеніе въ дворянскихъ имѣніяхъ, и что онъ, герцогъ, какъ владѣтельный князь, предъ Богомъ и предъ собственною своею совѣстью обязанъ поговорить о томъ съ царемъ. Эйхгольцъ не переставалъ напоминать о томъ герцогу; но когда сему послѣднему представился случай говорить съ царемъ Петромъ Алексѣевичемъ, герцогъ Мекленбургскій струсилъ и молчалъ какъ онѣмѣлый (als wenn er aufs Maul

geschlagen wäre). Наконецъ, когда царь однажды прогуливался въ саду, Эйхгольцъ снова началъ понукать своего герцога, что-бы, пользуясь симъ случаемъ, завелъ разговоръ о постояхъ. Герцогъ никакъ не могъ рѣшиться и наконецъ сказалъ Эйхгольцу: «ты самъ поговори». Эйхгольцъ принялъ на себя это порученіе и дѣйствительно царь изволилъ издать регламентъ: сколько хлѣба, мяса, крупы, сала крестьяне обязаны давать солдатамъ. Но существеннаго облегченія не послѣдовало. Русскіе пили и ѣли не только во дворцѣ, гдѣ послѣдній конюхъ требовалъ всего, что ему въ голову приходило; но и въ городѣ, въ домахъ, гдѣ жили русскіе министры, столъ долженъ былъ быть накрытъ цѣлый день. «И русская толпа», говоритъ Эйхгольцъ, «оставалась у насъ на шеѣ до тѣхъ поръ, пока царь, по славной кампаніи въ Зеландіи, не уѣхалъ въ Голландію и потомъ во Францію».

Въ Шверинѣ царь любилъ обѣдать въ герцогскомъ саду, изъ коего прекраснѣйшій видъ на Шверинское озеро. Герцогъ всегда требовалъ, что-бы его дворцовый караулъ занималъ всѣ посты. Эта герцогская гвардія состояла изъ людей исполинскаго роста, съ огромными усами, и чѣмъ они видомъ были страшнѣе и суровѣе, тѣмъ болѣе нравились герцогу. Во время обѣденнаго стола всегда четверо стояли тутъ съ обнаженными шпагами. Царь, любя быть безъ принужденія и не на виду, неоднократно просилъ герцога избавить его отъ этихъ излишнихъ почестей; но не успѣлъ въ своей просьбѣ. Однажды вечеромъ, когда комары стали беспокоить компанію, рѣчь зашла о томъ, какъ бы скорѣе избавиться отъ нихъ.

Царь Петръ Алексѣевичъ сказалъ герцогу: «Вотъ эти мужчины съ обнаженными шпагами ни въ чему иному не годны; велите имъ подойти и отгонять комаровъ огромными своими усами».

Когда царица уѣхала изъ Шверина, Эйхгольцъ ожидалъ, что она изъявитъ свое удовольствіе обыкновенными подарками придворнымъ чинамъ, въ особенности ему, какъ обермаршалу. Но она не пожаловала ему ни гроша (nicht einen Kreuzer). Когда онъ велъ ее въ каретѣ, Екатерина Алексѣевна ему сказала:

«Я останусь у васъ въ долгу».

Эйхгольцъ отвѣчалъ, что того не знаетъ; но что впрочемъ считаетъ за большую честь, если столъ великая государыня у

него въ долгу. Между тѣмъ онъ просилъ одной милости, чтобы ея царское величество упросила царя объ освобожденіи баварскаго дворянина барона Пфертнера, состоящаго въ шведской службѣ и взятаго въ плѣнъ въ полтавскомъ сраженіи, чѣмъ ея величество обяжетъ также княгиню Нидеръ-Минстерскую, съ кою баронъ Пфертнеръ состоитъ въ родствѣ, а его, Эйхгольца, вполне вознаградить за его старанія. Царица обѣщала исполнить эту просьбу и Эйхголецъ впоследствии напоминалъ ей о томъ неоднократно своими записками въ Гагъ и въ Ахенъ; но царица даже не справлялась о Пфертнерѣ, а тѣмъ же просила за него царя. «Столь мало», говоритъ Эйхголецъ, «имѣла она великодушія».

Положено было, что-бы царскіе министры имѣли совѣщанія съ герцогскими о тѣсномъ союзѣ между обоими дворами и о обоюдныхъ ихъ пользахъ. Такъ какъ царь не любилъ мекленбургскаго министра Петкума, то сей послѣдній не участвовалъ въ совѣщаніяхъ. Со стороны царя назначены были Шафировъ и баронъ Шлейницъ; со стороны герцога—Эйхголецъ и Габихтсталь.

Наканунѣ Эйхголецъ спросилъ герцога: не желаетъ-ли онъ лично открыть засѣданіе и какіе предметы имѣютъ быть трактуетемы? Герцогъ предоставилъ Эйхгольцу открыть засѣданіе привѣтствіемъ. Предметами совѣщанія были: 1) О новомъ бракѣ герцога и о претензіяхъ разведенной съ нимъ герцогини. 2) О городѣ Висмарѣ. 3) Объ удовлетвореніи герцога за военные убытки. 4) Касательно дворянства. О пятомъ предметѣ, яко секретномъ, Эйхголецъ умалчиваетъ. (Полагаютъ, что оный касался до проекта герцога, промѣнять Мекленбургъ на Курляндію).

Герцогъ велѣлъ позвать къ себѣ Шафирова и не отпустилъ его до полуночи.

Въ слѣдующій день уполномоченные собрались въ герцогскихъ покояхъ. Герцогъ самъ занималъ предсѣдательское мѣсто. Эйхголецъ открылъ конференцію изъясненіемъ благодарности за то, что царь намѣревается вступить съ его герцогскою свѣтлостью въ тѣсный союзъ. Посему обоюдная польза требовала принять такія мѣры, что-бы разведенная герцогиня, имѣющая столь многихъ друзей при всѣхъ нѣмецкихъ дворахъ, не могла представлять свое дѣло съ слишкомъ невыгодной для герцога стороны.

При первомъ, второмъ и третьемъ пунктахъ все шло хорошо и согласились, что-бы царскимъ посланникамъ въ Вѣнѣ, Брауншвейгѣ и Лондонѣ предписано было дѣйствовать въ пользу герцога единодушно съ Мекленбургскими. Но когда дошли до четвертаго пункта, герцогъ самъ началъ говорить съ яростью, обвиняя дворянство свое въ ужасныхъ небывалыхъ преступленіяхъ и произнося столь неосторожныя рѣчи, что Эйхгольцъ, забывшись, ударилъ рукою по столу и сказалъ герцогу:

— «Если ваша свѣтлость станете такъ поступать, то лишитесь земли и подданныхъ».

Шафировъ уклонился отъ сужденія по сему предмету, извиняясь тѣмъ, что конституція римской имперіи ему неизвѣстна и что онъ согласится съ мнѣніемъ товарища своего, Шлейница, ко-ему извѣстны имперскіе законы. Шлейницъ же замѣтилъ, «что образъ правленія въ нѣмецкихъ княжествахъ не вездѣ одинаковъ, и что каждое княжество имѣетъ свои права и привилегіи; что ему не безъизвѣстно о существованіи въ Мекленбургѣ реверсалій, изъ коихъ видно будетъ, до какой степени можно требовать повиновенія отъ дворянства. Что же касается до преступленій, въ коихъ герцогъ обвиняетъ дворянство, то надобно будетъ ожидать, какія его свѣтлость можетъ представить на то доказательства».

Такъ, повидимому, дѣло осталось, но герцогъ умѣлъ склонить на свою сторону Шафирова, который слѣпо вошелъ во всѣ намѣренія герцога. Шафировъ впоследствии признавался въ Гагѣ Эйхгольцу, что герцогъ въ то время такъ вовлекъ его въ сіи дѣла, что онъ рисковалъ своею головою.

Вслѣдствіе домогательства герцога, депутаты мекленбургскаго дворянства, по повелѣнію царскому, были арестованы, не взирая на то, что Ягужинскій совѣтовалъ царю этого не дѣлать, чѣмъ онъ и навлекъ на себя вражду герцога.

Въ самый день арестованія депутатовъ, Петръ Андреевичъ Толстой далъ одному изъ герцогскихъ пажей пощечину въ покоехъ герцога. Эйхгольцъ представилъ герцогу, что Толстой тѣмъ нарушилъ не только тишину, долженствующую быть во дворцѣ (Burgfrieden), но и должное его свѣтлости высокопочитаніе. Однако-жь герцогъ почелъ за лучшее прикрыть такую бездѣлицу мнимымъ невѣдѣніемъ.

Царь съ герцогомъ поѣхали въ Ростовъ. По повелѣнію царя, еще нѣкоторые знатные дворяне взяты были военными командами подъ арестъ.

Въ Ростовѣ фурьеръ герцога, одѣтый наравнѣ съ прочими людьми герцогскими по шведской формѣ, случайно подрался съ царскимъ шутомъ. Царь, увидя сіе изъ окна, самъ прибѣжалъ и своею царскою рукою поволоотивъ фурьера, велѣлъ еще явившемуся караулу наказать его палками. Все извиненіе царя предъ герцогомъ состояло въ томъ, что онъ будто принялъ этого фурьера за Шведа.

Эйхгольцъ, оставшійся въ Шверинѣ, узнавъ объ арестѣ дворянъ, послѣшилъ въ Ростовъ и упрекалъ герцога въ его насильствѣ. Герцогъ увѣрялъ, что онъ о томъ ничего не зналъ и что все происходило по повелѣнію царя, который, безъ сомнѣнія, сѣмъ умѣетъ объяснить свои дѣйствія.

IV.

Въ 1717 году герцогъ послалъ Эйхгольца къ царю, пребывавшему тогда въ Ахенѣ, съ просьбою объ удаленіи русскихъ войскъ изъ Мекленбурга, кромѣ 7-ми полковъ, и о защитѣ герцога противъ всякаго насильства. Герцогиня Екатерина Іоанновна, по желанію супруга своего, писала равномѣрно къ царю, заклиная его не оставить герцога и не вѣрить своимъ министрамъ, совѣтующимъ ему противное, но считать ихъ мошенниками и измѣнниками. Эйхгольцъ не зналъ, какъ онъ увѣряетъ, ничего о содержаніи письма Екатерины Іоанновны. Заставъ царя въ Литтихѣ на возвратномъ пути его величества изъ Парижа, просилъ тайнаго секретаря нѣмецкой экспедиціи Остермана доложить о немъ царю и былъ принятъ милостиво. Царь, видя по числу на письмѣ, что оно уже давно писано, спросилъ Эйхгольца, гдѣ онъ такъ долго оставался? Эйхгольцъ отвѣчалъ, что онъ цесарскій вассалъ и довольно нанюхался воздуху въ Вѣнѣ, и потому на старости лѣтъ не хотѣлъ ѣхать въ Парижъ, но ожидалъ его царскаго величества въ Литтихѣ.

Государь сказалъ на то: «добре».

Когда Эйхгольцъ, по приказанію герцога, просилъ объ оставленіи 7-ми полковъ въ Мекленбургѣ и о защитѣ его свѣтлости противъ всѣхъ и каждаго, царь сказалъ:

— «Знаетъ-ли герцогъ, что требуемыя 7 полковъ составляютъ 11,000 человекъ?» и велѣлъ Остерману объяснить это хорошенько Эйхгольцу.

Его величество назначилъ Толстаго и Шафировъ для переговоровъ съ Эйхгольдомъ, а письмо Екатерины Иоанновны, увидя на немъ русскую надпись, нераспечатанное положилъ въ карманъ. Государь велѣлъ Эйхгольцу слѣдовать за нимъ въ Голландію и оставаться при немъ.

Въ Спа Толстой и Шафировъ имѣли совѣщанія съ Эйхгольдомъ и положено было слѣдующее: царь оставляетъ у герцога два полка по выбору самого герцога; болѣе войскъ было бы герцогу въ тягость и царь совѣтуетъ ему отвести полкамъ по равной соразмѣрности квартиры въ городахъ, въ дворянскихъ и герцогскихъ имѣніяхъ. Далѣе царь общаетъ герцогу защиту противъ всѣхъ, которые стануть притѣснять его неправильно. Эйхгольцу же предоставлено было отправить курьера къ герцогу для узнанія его мнѣнія. Эйхголецъ весьма безпокоился, не зная, какъ герцогъ приметъ сіе извѣстіе, ибо его свѣтлость требовалъ всегда, что-бы отъ данной имъ инструкціи не отступали ни на шагъ. Къ счастью, герцогъ былъ доволенъ и отправилъ чрезъ курьера въ отвѣтъ благодарственное письмо, въ коемъ однако-жъ возобновилъ просьбу о защитѣ противъ всѣхъ и каждаго. Между тѣмъ царь вояжировалъ въ Голландію и каждый разъ, когда видѣлъ Эйхгольца, спрашивалъ его: «Герцогъ еще не писалъ?»

Наконецъ, по приѣздѣ въ Ахенъ, Эйхголецъ получилъ съ курьеромъ письмо герцога и поднесъ оное царю.

Царь спросилъ: «доволенъ-ли герцогъ?»—и узнавъ отъ Эйхгольца, что весьма доволенъ, сказалъ опять: «*добре!*»

Но когда письмо перевели на русскій языкъ и государь усмотрѣлъ, что герцогъ повторяетъ просьбу о защитѣ противъ всѣхъ и каждаго, онъ вознегодовалъ на герцога и велѣлъ написать ему чрезъ Эйхгольца, что онъ подобной защиты никогда не общаетъ, развѣ только въ справедливыхъ дѣлахъ, прибавляя:

— «Я для герцога не намѣренъ ссориться съ императоромъ и имперією».

Приготовляясь къ отъѣзду изъ Ахена, царь укладывалъ свою шатулку, въ коей хранились тайныя его бумаги, и тутъ Тол-

стой и Шафировъ увидѣли письмо Екаторины Іоанновны. Они, ужасно разсердившись за то, что названы мошенниками и измѣнниками, тотчасъ послали за Остерманомъ и предъ нимъ жестоко разругали герцога и Эйхгольца, не щадя русскихъ вѣжливостей. Остерманъ, блѣдный, какъ смерть, пришелъ къ Эйхгольцу, сидѣвшему въ ваннѣ, и велѣлъ его вызвать скорѣе. Эйхголецъ божился, что содержаніе письма Екаторины Іоанновны ему вовсе неизвѣстно. Предъ Толстымъ Эйхголецъ не могъ оправдаться, ибо Толстой отправился въ Вѣну за царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. И Шафирова трудно было успокоить. Эйхголецъ увѣрялъ его, что герцогъ противъ него ничего не имѣетъ, но что оскорбительныя выраженія относятся вѣроятно къ канцлеру Головкину, князю Долгорукову и къ другимъ, коихъ герцогъ подозрѣваетъ въ недоброжелательствѣ къ нему. ¹⁾

Съ того времени герцогъ лишился и послѣдняго уваженія у российскихъ министровъ.

¹⁾ Вотъ это письмо герцогини Мекленбургской Екаторины Іоанновны къ Петру I. Приводимъ его съ буквальной точностью:

«Милостивейшии Государь мой дядюшка і батюшка, Царь Петръ Алексѣевичъ, здравствуй(ѣ) на множества летъ!

«Симъ Ваше Величества моего Государя покорна прошю: да не оставлены мы будемъ (въ) вашей непрременай милости, которой отъ сердца желаемъ.

«При семъ прошю Ваше Величества не премѣнить своей милости до моего супруга; повеже мой супругъ слышелъ, что есть Вашего Величества на него гневъ, і онъ то слыша (въ) великой печали себя содержитъ, і надееца, что нехъта нашъ злодей Вашему Величеству данесь неправду, не хотя ево видѣть (въ) вашей милости. При семъ проситъ мой супругъ, дабы Ваше Царское Величества не извоили слушать таковыхъ неправедливыхъ данашени(ѣ) на него; истино мой супругъ Вашему Величеству себя абъявляетъ вернымъ слугою.

«Еще поворно проситъ мой супругъ Ваше Величества: слышелъ онъ, что Ваше Величества извоите имѣть альянцъ съ королемъ швецкимъ, і при семъ всенижайше проситъ Ваше Величества мой супругъ, дабы ево при семъ не оставили въ сваей отеческой милости. А кароль пруской да моего супруга не пре(д)иммъ сердцемъ і съ великимъ лукавствомъ; і ради таго мой супругъ Ваше Величества всенижайше проситъ, ежели извоите имѣть *) альянцъ съ королемъ швецкимъ, дабы ево не оставили въ своей милости. Впрочемъ предавъ ваше здравие дражайшее въ сохронение божие, і себя рекомандую въ непремѣнаю милость Вашего Величества. Вашего Величества покорная служница і племянница Екаторина».

«Изъ Ростая, 8 сентября 1718».

(См. «Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства». М. 1861 г., книга 2-я, стр. 63 — 64).

Ред.

*) Въ подлинникѣ ошибка: имелеть.

Царь, отпуская Эйхгольца, подарилъ ему свой портретъ, цѣною въ 500 талеровъ.

Герцогъ, находясь въ непрерывной ссорѣ съ своимъ дворянствомъ, былъ недоволенъ, что царь не хотѣлъ его защищать противъ всѣхъ и каждаго, и съ помощію Вальтера составилъ меморію, что-бы склонить царя на свою сторону. Въ сей меморіи онъ дворянство свое не называетъ иначе какъ «мятежниками».

Герцогъ поѣхалъ въ Магдебургъ, гдѣ ожидали царя. Въ Магдебургѣ начальствовалъ князь Ангальтъ-Дессаускій, родной дядя разведенной герцогини. Князь, соблюдая приличіе, былъ съ визитомъ у герцога, но не умѣлъ скрыть выраженія своихъ внутреннихъ чувствъ. Черезъ два дня пріѣхалъ царь (6-го сентября 1717 г.) и остановился у герцога; и такъ, сдѣланныя для приема его величества въ королевскомъ домѣ приготовленія остались напрасными. Герцогъ предложилъ царю на завтракъ чаю, но его величество требовалъ Бургундскаго, спрося герцога, сколько онъ утромъ пьетъ чаю?

Герцогъ, показывая на стаканъ, сказалъ: «вотъ сколько».

Царь отвѣчалъ: «Такъ, вы фюфанъ!» (Wel, ghy bint een Geck).

Герцогъ, что-бы отдѣлаться отъ сего упрека, сказалъ, что онъ поступаетъ по совѣту своего лейб-медика Шапера.

Однако-жъ царь ни мало не смягчилъ прежняго слова и отвѣчалъ сухо: «Soo is he noch een grösser Geck as hy! (такъ онъ еще больше фюфанъ, нежели вы!)»

Послѣ того герцогъ подалъ царю вышепомянутую меморію свою, которую государь вручилъ секретарю Остерману для перевода на русскій языкъ, а самъ пошелъ посмотреть соборъ и другія достопамятности Магдебурга.

Возвратясь домой и прочтя меморію герцога, царь сказалъ ему: «что вы тутъ затѣяли? Это вещи несправедливыя и весьма тиранскія. Не забывайте, что императоръ этого никакъ не позволитъ, а я не могу и не хочу вамъ помогать въ подобныхъ дѣлахъ».

Герцогъ возразилъ, что имперія и ея чины (das Reich и seine Stände) долженствовали бы ему содѣйствовать.

Царь повторилъ нѣсколько разъ съ негодованіемъ: «Pfui Reich! Pfui Reich!» будто въ насмѣшку герцогу за его неосновательное

предположеніе, а герцогъ и его совѣтники стояли предъ царемъ, какъ масло на солнцѣ (wie Butter an der Sonne), и не смѣли рта открыть, дабы не услышать отъ него титуловъ, подобныхъ тому, какимъ онъ прежде почтилъ герцога.

Канцлеръ Головкинъ увелъ Эйхгольца въ сторону и просилъ его отклонить герцога отъ столь опасныхъ для него намѣреній. Но герцогъ о томъ и слышать не хотѣлъ.

Герцогъ, намѣреваясь ѣхать въ Берлинъ, послалъ туда придворнаго кавалера, что-бы извѣстить о его пріѣздѣ. Ему приготовили комнаты во дворцѣ. Однако-жъ герцогъ, противъ воли короля, остановился въ томъ домѣ, гдѣ жилъ царь, такъ что только одна комната раздѣляла занятые ими покои. Когда у короля собирались сѣсть за ужинъ, герцогъ требовалъ, что-бы его посадили выше марекграфовъ бранденбургскихъ и что-бы пили прежде за его здоровье, нежели за здоровье марекграфовъ, или что-бы марекграфы вовсе не являлись къ столу. Король изъявилъ готовность на счетъ тоста за здоровье, поелику марекграфы охотно на то согласились бы, но сказалъ, что они не могутъ уступить герцогу первенства. Герцогъ настаивалъ на своемъ требованіи предъ министромъ фонъ-Ильгеномъ, говоря, что когда покойный братъ его, герцогъ Фридрихъ-Вильгельмъ, былъ въ Берлинѣ, то марекграфы уѣхали въ свои деревни, а онъ не менѣе нежели покойный его братъ. Ильгенъ отвѣчалъ ему довольно сухо, что покойный герцогъ Фридрихъ-Вильгельмъ до пріѣзда своего въ Берлинъ заблаговременно согласился на счетъ церемоніала и тогда удобно было марекграфовъ удалить подъ благовиднымъ предлогомъ, но его свѣтлость нынѣ изволилъ пріѣхать, такъ сказать, какъ незванный гость и король не можетъ согласиться, что-бы въ его домѣ обидѣли марекграфовъ, родныхъ братьевъ покойнаго его родителя. Единственнымъ средствомъ выйти изъ сего положенія было бы занять мѣста по жребію. Но сіе не понравилось герцогу и, не взирая на убѣжденія царя и другихъ особъ, онъ не явился къ королевскому столу.

Между тѣмъ разведенная герцогиня оспаривала рѣшеніе рейс-вальдской консисторіи о разводѣ и исходатайствовала разные по сему предмету декреты отъ имперскаго гофрата; въпрочемъ, она согласна была примириться, если герцогъ возвратитъ ей приданое и назначитъ, приличную ея сану, пенсію, о чемъ герцогъ и

смирать не хотѣлъ. Царь весьма разсердился на такую скупость и упрямство герцога, могущія имѣть послѣдствіемъ, что второй бракъ его признанъ будетъ незаконнымъ и велѣлъ сказать герцогу: «что онъ, царь, далъ ему племянницу свою на совѣсть, однако-жъ никогда не согласится, что-бы могли ее когда-либо считать за его наложницу». Царь могъ самъ видѣть въ стеклянныхъ двери, какое впечатлѣніе слова его произвели на герцога, предавшагося какъ бы отчаянію. Въ самомъ дѣлѣ, въ Берлинѣ, при посредничествѣ царя, заключенъ былъ съ повѣренными разведенной герцогини договоръ, по коему ей назначили пенсію въ 5,000 талеровъ и сверхъ того 30,000 талеровъ единовременно; она же безотговорочно признала разводъ правильнымъ.

Съ сего времени ненависть герцога къ Ягужинскому еще болѣе усилилась.

Черезъ нѣсколько дней російскій посланникъ Головкинъ угощалъ царя и герцога. При десертѣ вошелъ Ягужинскій и герцогъ сказалъ ему:

— «За ваше здоровье, г. Ягужинскій! Желаю, что-бы вы всегда оставались благосклонны къ моему рыцарству и доложили царю сколь оно отъ меня терпѣло, дабы рыцарство хорошенько возблагодарило васъ подарками!»

Ягужинскій, видя себя столь обиженнымъ предъ всѣмъ обществомъ и самимъ государемъ своимъ, вышелъ изъ комнаты. Всѣ російскіе вельможи чувствовали себя обиженными поступкомъ герцога.

Послѣ ужина Эйхгольцъ упрекалъ герцога за его неосторожность. Герцогъ отвѣчалъ, что ему жаль, но что по крайней мѣрѣ облегчилъ свое сердце. Онъ поручилъ Эйхгольцу стараться примирить его съ Ягужинскимъ и велѣлъ звать его къ обѣду, но учтивости послѣ такой обиды не могли имѣть успѣха.

Возвратясь въ Мекленбургъ, герцогъ все надѣялся на помощь царя. Тщетно Эйхгольцъ напоминалъ ему разговоръ съ царемъ въ Магдебургѣ. Однажды герцогъ, долго смотря на маленькій портретъ царя, висѣвшій въ его кабинетѣ, сказалъ: «Вотъ у него такое доброе лицо. Онъ меня не оставитъ!»

Распри между герцогомъ и мекленбургскими чинами дошли наконецъ до такой степени, что имперская экзекуціонная армія заняла весь Мекленбургъ. Герцогъ съ супругою поѣхалъ въ со-

провожденіи Эйхгольца въ Вѣну для ходатайства по своему дѣлу. Имѣлъ-ли онъ успѣхъ или нѣтъ, не относится до предмета сей выписки. Мы выпишемъ изъ записокъ Эйхгольца только слѣдующій эпизодъ касательно пребыванія герцога въ Вѣнѣ.

Его цесарское величество сказалъ однажды своему вице-канцлеру:

— «Хорошо, что герцогъ пріѣхалъ, лишь бы не привезъ съ собою Москвитяну». Императоръ прибавилъ: «Я желалъ бы знать: знаетъ-ли о томъ герцогъ?»

Вице-канцлеръ велѣлъ позвать Эйхгольца и сообщилъ ему слова императора. «Конечно», говорилъ онъ, «смѣлый поступокъ, что герцогъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ привезъ сюда супругу свою». Вице-канцлеръ совѣтовалъ герцогу помѣстить герцогиню въ Нусдорфъ или Леопольдштадтъ, дабы можно было сказать, что она не въ императорской резиденціи. Герцогъ, посоветовавшись съ своими приближенными, велѣлъ отвѣчать вице-канцлеру, что бѣдная женщина, всѣмъ свѣтомъ оставленная, здѣсь, въ Вѣнѣ, никого знакомаго не имѣетъ и при томъ языка не знаетъ; что она умретъ съ тоски, если герцогъ удалитъ ее отъ себя, и что онъ посему проситъ, дабы его цесарское величество оставилъ ее у него. Тѣмъ и кончилось дѣло.

Далѣе въ ростокской рукописи не упоминается о Россіи и о Петрѣ Великомъ и его семействѣ.

Жизнь Екатерины Ивановны въ замужествѣ за герцогомъ Мекленбургскимъ была очень для нея не сладка. Тѣмъ не менѣе первые годы въ письмахъ своихъ къ Петру I и къ царичѣ Екатеринѣ она не только не высказывала жалобъ на мужа, но, какъ мы видѣли выше, ходатайствовала за него предъ своимъ «дядюшкой и бабушкой», какъ называла она Петра I. «О себѣ извѣствую, — пишетъ герцогиня въ каждой изъ своихъ грамотокъ, 1716—1720 годовъ, — за помощью божіею съ любезнѣйшимъ своимъ супругомъ (или «сожителемъ») обрѣтаюсь въ добромъ здравіи». Въ іюлѣ 1718 г. герцогиня прислала къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ важную вѣсточку. Приводимъ письмо безъ соблюденія своеобразной ореографіи герцогини Екатерины Ивановны:

«Примаю смѣлость я, Государыня тетушка, В. В.—ству о себѣ донестъ: милостію Божіею я абеременила, уже есть половина. И при семь просить мой супругъ, также и я: да не оставлены мы будемъ у государя дядюшки, также и у васъ, государыня тетушка, въ неотгнѣнной милости. А мой супругъ, также и я, и съ предбудущимъ, что намъ Богъ дастъ, покажѣсть живы мы, В. В.—ству отъ всего нашего сердца слуги будемъ государю дядюшкѣ, также и вамъ, государыня тетушка, и государю братцу царевичу Петру Петровичу,

и государынямъ сестрицамъ: царевнѣ Аннѣ Петровнѣ, царевнѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

«А прежде половины (беременности) писать я не посмѣла до В. В—ства, ибо я подлинно не знала. Прежде сего также надѣялася быть, однакоже тогда было неправда; а нынѣ за помощію Божіею уже прямо узнала и приняла смѣлость писать до васъ, государыня тетушка и до государя дядюшки, и надѣюся въ половинѣ «ноемѣври» (ноября) быть, еже Богъ соизволитъ».

7-го декабря 1718 г. Екатерина Иоанновна родила дочь Анну, впоследствии правительница Анна Леопольдовна. Рожденіе ребенка не улучшило положенія матери. Побывавъ въ апрѣлѣ 1719 г. въ Митавѣ у сестры Анны Иоанновны, Екатерина Иоанновна поразсказала ей, а та передала матери о своей горькой жизни. Царица Прасковья Ѳеодоровна печаловалась о ней предъ «государыней милостивой, матушкой-невѣстухой, царичей Екатериной Алексѣевной»..... «Прошу у васъ, государыня, милости,— писала 23-го апрѣля 1721 г. царица Прасковья Ѳеодоровна,— побей челомъ царскому величеству о дочери моей, Катюшкѣ, что-бъ въ печалѣхъ ее не оставилъ въ своей милости; также и ты, свѣтъ мой, матушка моя невѣстуха, пожалуй, не оставь въ такихъ еѣ несносныхъ печалѣхъ. Ежели велитъ Богъ видѣть В. В—ство, и я сама доведу о печалѣхъ еѣ. И приказывала она ко мнѣ на словахъ, что и животу своему не рада.... приказывала такъ, что-бъ для еѣ бѣдства умилосердился царское величество и повелѣлъ бы быть къ себѣ....»

Царь Петръ виная просьбамъ старушки-царицы Прасковьи Ѳеодоровны и сталъ постоянно призывать герцогиню Мекленбургскую въ Россію, напоминая ей при томъ, что, по отношенію къ ея мужу, онъ «множкратно не тобою писалъ, но и изусно говаривалъ супругу вашему, что-бъ не все такъ дѣлалъ, чего хочеть, но смотря по времени и случаю».

Въ маѣ мѣсяцѣ 1722 г. Екатерина Иоанновна пріѣхала въ Москву съ четырехлѣтней дочерью своею Анной, безъ «сожителя», съ которыми уже болѣе не выдалась.

Екатерина Иоанновна скончалась 14-го іюня 1733 года; мужъ ея, Карлъ Леопольдъ, лишенный престола въ 1736 году, дожилъ до того времени, когда внукъ его, Іоаннъ VI, былъ императоромъ всероссійскимъ, а дочь, Анна Леопольдовна, правительницею имперіи.

15-го ноября 1741 года Правительница великолѣпно праздновала въ Зимнемъ дворцѣ день рожденія своего родителя.

Десять дней спустя, снѣгъ ея свергнуть съ престола.

7-го марта 1746 года Анна Леопольдовна скончалась въ заточеніи, въ Холмогорахъ.¹⁾ Карлъ Леопольдъ умеръ 9-го декабря нов. ст. 1747 года въ заточеніи, въ Демницѣ, на 69-мъ году своей жизни.

Ред.

¹⁾ О кончинѣ Анны Леопольдовны см. въ «Русской Старинѣ» (изд. 1870 г., изд. второе, т. I, стр. 410) интересную статью графа М. А. Корфа.— Судьба семейства Анны Леопольдовны также подробно разсказана въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г., т. VII, стр. 67, и изд. 1874 г., т. IX, стр. 645—667. Ред.

ПОТОМСТВО ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА.

(четыре колѣна).

○ Царь Алексей Михайловичъ + 1676 г.

Отъ Маріи Милославской.

+ 1669 г.

Отъ Натальи Нарышкиной.

+ 1694 г.

○ Царь Іоанн V со Праксковьей Федоровна Салтыкова.
р. 1666 + 1696 г. р. 1664 + 1723 г.

○ Императоръ Петръ I со 1) Евдокія До-
ружина + 1731 г.
2) Екатерина I
+ 1727 г.

○ Екатерина ѿ Карлъ - Леопольда
р. 29 окт. герцогъ Меклен-
бургскаго + 1733 г. бургскаго + 1747 г.

○ Анна со Герцогъ Куръ - Праксковьей со Мако-
р. 1693, янн. Фрид- р. 1694
+ 1740 г. рехъ + 1711 г. + 1731 г. нояр.
+ 1730 г.

○ Паревичъ со Шарлота
Алексѣй Богден-
+ 1718 г. ботельск.
+ 1715 г.

○ Анна со Герцогъ - Емсавета
+ 1728 г. Карлъ + 1761 г.
Гольшт. + 1739 г.

○ Анна Леопольдовна со Антонъ - Ульрихъ
р. 1718 + 1746 г. герц. Брауншвейг.
Правительница + 1776 г.

○ Петръ II + 1730 г.

○ Петръ III со Екатериною II
+ 1762 г. + 1796 г.

○ Іоаннъ VI Ангровичъ
р. 1740 + 1764 г.

○ Екатерина принце - Алексѣй принцъ - Елисавета прин-
са + 1807 г. + 1787 г. цеса + 1782 г. цеса + 1798 г.

○ Скончался и погребенъ въ Горсензѣ.

○ Павелъ I + 1801 г.